

ФРАНКФУРТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 1813 ГОДА И ЛОРД АБЕРДИН

Э. К. Пащенко

Южный федеральный университет, Луганский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 9 июля 2025 г.

Аннотация: анализируются Франкфуртские предложения (1813 г.) – мирная инициатива союзников, предлагавшая Наполеону сохранить «естественные границы» Франции в обмен на признание независимости захваченных территорий. Особое внимание уделено роли британского дипломата лорда Абердина и его взаимодействию с Меттернихом. Хотя Наполеон отверг предложения, этот эпизод укрепил австро-британский союз, повлиявший на послевоенное устройство Европы.

Ключевые слова: Франкфуртские предложения, Наполеон, VI антифранцузская коалиция, Меттерних, лорд Абердин.

Abstract: the article examines the Frankfurt Proposals (1813) – a peace initiative by the Allies offering Napoleon the preservation of France's natural borders in exchange for recognizing the independence of occupied territories. Special attention is paid to the role of British diplomat Lord Aberdeen and his interaction with Metternich. Although Napoleon rejected the proposals, this episode strengthened the Austro-British alliance, influencing the post-war reorganization of Europe.

Key words: Frankfurt Proposals, Napoleon, Sixth Coalition, Metternich, Lord Aberdeen.

Франкфуртские предложения являлись мирной инициативой, исходящей от союзников VI антифранцузской коалиции. Мирные предложения, разработанные по большей части министром иностранных дел Австрийской империи Меттернихом, были предложены Наполеону в ноябре 1813-го.

Несмотря на победу союзников в Битве народов контекст боевых действий оставался непростым. Так, 7 ноября союзники созвали военный совет. Перед ними стоял важный вопрос – стоит ли переходить Рейн, и если да, то когда [1, с. 165]. К этому времени Веллингтон со своими войсками уже находился на юге Франции [2, р. 114], и его военное присутствие, наряду с огромными субсидиями, которые союзники продолжали получать из Лондона [3], давало Британии значительную переговорную силу.

В ноябре во Франкфурте-на-Майне при союзной ставке находились такие британские дипломаты, как Джордж Каткарт (посол Великобритании в России), сэр Чарльз Стюарт, единокровный брат Каслри (посол Великобритании в Пруссии), и лорд Абердин. Однако на переговорном процессе о Франкфуртских предложениях от Великобритании был представлен именно лорд Абердин, потому как он пользовался большим доверием Каслри, чем другие дипломаты [4, р. 157].

Лорд Абердин был знатным аристократом с безупречной родословной и внушительным состоянием. Несмотря на полное отсутствие практического опыта, он славился хладнокровием и чрезмерной осмотри-

тельностью, которая нередко смущала окружающих. Меттерних, едва познакомившись с ним, охарактеризовал его как «молодого неуча» [1, с. 159]. Абердин действительно был молод, «ему было всего 29 лет, и он едва мог говорить по-французски» [5, р. 99]. Австриец очень скоро поменял свое мнение об Абердине в лучшую сторону, даже несмотря на то, что им буквально приходилось говорить друг с другом на разных языках. А. Сорель описывает это так: «...беседы их были очень тягостны. Абердин говорил на своем (английском), а Меттерних изъяснялся по-французски». Он видел в лорде человека искреннего и благосклонного к Австрии, хотя в глубине души тот питал почти рыцарское восхищение Наполеоном и необычную для английского дипломата симпатию к французской армии. Меттерних рассчитывал заручиться его поддержкой, чтобы сдерживать безрассудную горячность пруссаков и непреклонную гордость Александра. Граф Стадион, бывший министр иностранных дел Австрийской империи, познакомившись с Абердином чуть позже, лицемерно сокрушался по поводу его «дипломатической наивности». Однако для Меттерниха эта черта, несомненно, была достоинством – и он не упустил возможности воспользоваться ею [1, с. 159]. Согласно Киссинджеру: «Его (Абердина) жесткость и самоуверенность только играли на руку Меттерниху» [5, р. 99].

Поступив на дипломатическую службу в 1812 г., Абердин был назначен чрезвычайным послом и полномочным министром в Вене, где подписал Теплицкое мирное соглашение между Великобританией и Австрией в октябре 1813 г. [6, р. 46].

Теплицкое соглашение в значительной мере способствовало сближению двух стран и являлось важным шагом на пути к формулированию и выдвиганию Франкфуртских предложений, которые детально обсуждались в лагере союзников перед тем, как были переданы на рассмотрение французской стороне. Так, «граф Нессельроде хотел сначала изложить условия союзников как можно шире, а затем делать их уже в случае переговоров». В то время как лорд Абердин «придерживался мнения, что было бы предпочтительнее изложить условия как можно уже и твердо придерживаться их» [7, р. 108]. В чем союзники были едины, так это в том, «что конкретная линия французской границы в направлении Голландии и Пьемонта должна быть открыта для обсуждения, при этом необходимо позаботиться о том, чтобы независимость Италии и Голландии стала условием мира (*sine quibus non*, т. е. условием неизменным)» [Ibid., р. 108].

На встрече Нессельроде, Меттерниха и Абердина 29 октября было решено предложить Франции ее «естественные» границы, ограничив государство Рейном, Альпами и Пиренеями. В то же самое время Меттерних настаивал на прекращении военных действий [8, р. 214].

Он считал, что наступление союзников должно продолжаться, чтобы заставить Наполеона принять подходящие условия мира. Он был убежден, что перемирие во время Пражского конгресса (лето 1813 г.) пошло на пользу французам, и был полон решимости не повторять эту ошибку. Сразу после того, как он продиктовал франкфуртские предложения Сент-Эньяну (речь о котором пойдет ниже), он отметил: «Нашим первым условием (*condition première*) было то, что не должно быть и речи о перемирии» [9, S. 242].

Настолько сильным было влияние Меттерниха на Абердина, что британский дипломат решительно отстаивал эти условия как перед Нессельроде, так и перед Каслри, которые хотели выдвинуть гораздо более жесткие условия противнику [5, р. 100]. Дело было в том, что Меттерних, как и некоторые другие представители союзной коалиции, даже после Лейпцигского сражения не был полностью уверен в окончательном поражении Франции, а тем более в том, что ее силы полностью истощены. Среди противников Наполеона бытовало мнение, что поражение под Лейпцигом заставит Наполеона пойти на уступки, и этой возможностью следовало воспользоваться. Война в Германии была выиграна, и теперь важно было закрепить этот успех, добившись от Наполеона конкретных обязательств. Отправка предложений через Сент-Эньяна была пробным шагом, чтобы понять, на какие уступки можно рассчитывать со стороны Наполеона [10, р. 151].

Для миссии передачи Франкфуртских предложений был выбран пленный французский чиновник, поверенный в делах в Веймаре, Сент-Эньян [11, р. 231]. «Шурин Коленкура, находившийся, как полагали, вместе с Коленкуром под влиянием Талейрана, светский человек и дипломат по роду занятий, человек с достаточной дозой положительности и самодовольства, чтобы быть одураченным одними и дурачить, но не по своей воле, других» [1, с. 163]. Он был взят в плен в Веймаре 24 октября в результате казацкого набега на город. По прошествии двух дней в русском плену, 26 октября, Меттерних, знавший Сент-Эньяна, обратился к нему с неопределенными и общими замечаниями о заключении мира, жалуясь на то, что Наполеон не хочет его понять и следовать его советам [12, р. 154].

Сент-Эньяна привезли во Франкфурт 8 ноября 1813 г. На следующий день, 9 ноября, Меттерних в присутствии лорда Абердина и К. В. Нессельроде, который представлял интересы как России, так и Пруссии, передал барону мирные предложения от союзников. После этого Сент-Эньян отправился в Париж (его обменяли на русского курьера Крафта), и уже 15 ноября его принял французский император, которому он изложил предложения Меттерниха [1, с. 166].

Однако еще 8 ноября, в день прибытия Сент-Эньяна в союзную ставку, Меттерних встретился с ним наедине и подготовил его к дальнейшей беседе с Бонапартом. Позднее, в этот же день, состоялась встреча между Меттернихом, Нессельроде и Абердином в присутствии Сент-Эньяна [13, р. 418]. Участники переговоров в беседе с французским пленным затронули тему жертв, необходимых ради сохранения мира. Они подчеркнули, что уступки должны быть со стороны всех держав, а не только со стороны Франции. Сент-Эньян задал вопрос о готовности Англии пойти на уступки. В ответ Меттерних в присутствии британского дипломата Абердина предположил, что Англия могла бы согласиться на признание свободы судоходства и торговли для Франции, если последняя откажется от всех завоеваний «за пределами своих естественных границ» в рамках мирного соглашения [7, р. 110].

Тем, что Абердин ничего не возразил на предложение Меттерниха, он совершил непростительную ошибку в глазах британского кабинета, согласившись (пусть даже и косвенно), что Лондон будет вести переговоры о морских правах – пункт, который британские государственные деятели упорно отказывались обсуждать.

Молодой британский дипломат был под сильным впечатлением от увиденных им ужасов войны и был готов на уступки ради заключения мира. Так, Чарльз Уэбстер в своем исследовании британской внешней

политики пишет следующее: «Абердин был глубоко тронут ужасными сценами, свидетелем которых он стал» [14, р. 168]. Сам же Абердин, который побывал в Лейпциге, после завершения Битвы Народов, в конце октября пишет следующее: «На протяжении трех-четырех миль земля усыпана телами людей и лошадей, многие еще живы. Несчастные раненые, не способные ползти, умоляют о воде среди груд разлагающихся тел. Их крики слышны на огромном расстоянии и до сих пор звучат у меня в ушах. Как живых, так и мертвых обирают варварские крестьяне, у которых не хватает милосердия, чтобы прекратить страдания этих несчастных. Наша победа полнейшая. Надо признать, победа – это прекрасно, но лучше наблюдать ее издалека» [12, р. 125].

Уэбстер делает вывод что именно потому, что Абердин был готов заключить мир как можно скорее, он «был более чем готов выслушать предложения Меттерниха» [14, р. 168].

Без сомнения, Меттерних надеялся, что, предложив уступки в морской сфере за счет Великобритании, он сможет добиться от Франции согласия на отказ от территорий за пределами Рейна, Пиренеев и Альп. Более того, если бы вопрос о «свободе морей», а значит, и о правах торговли и судоходства, был вынесен на обсуждение конференции враждующих государств, то логичным шагом стало бы приглашение на такую конференцию Соединенных Штатов Америки. Это было крайне важно для наполеоновской Франции, которая была заинтересована в таком развитии событий.

В письме Абердину от 7 декабря 1813 г. Каслри категорически отверг любые попытки ограничить морскую монополию Великобритании. Британский министр иностранных дел считал, что этот вопрос не является приоритетным и, следовательно, не должен выноситься на обсуждение [7, р. 116]. Будучи любимым учеником бывшего премьер-министра Великобритании Питта, Каслри разделял его широкое видение постнаполеоновского урегулирования: возвращение Франции к границам 1792 г., восстановление суверенов, свергнутых во время наполеоновских войн, согласие на российские территориальные приобретения при условии выплаты компенсаций Австрии и Пруссии, формирование территориальной буферной зоны вокруг Франции для предотвращения любой будущей агрессии и заключение генерального соглашения о взаимной защите и безопасности великих держав [Ibid., р. 390].

В свою очередь, Абердин еще 9 ноября представил Каслри предварительно сформулированные для Бонапарта условия более конкретно:

– «среди условий обязательных было указано принятие Бонапартом естественных границ Франции, подразумевая в целом Альпы, Рейн и Пиренеи»;

– «абсолютная независимость Германии и отказ от всякого рода конституционного влияния со стороны Франции (не имея при этом в виду естественное и необходимое влияние, которое каждое сильное государство должно оказывать на своих более слабых соседей)»;

– «восстановление Фердинанда VII и древней династии на престоле Испании»;

– «существование государств, абсолютно независимых, между австрийской и французской границей по направлению к Италии»;

– «абсолютная независимость Голландии, но точная линия границы, а также форма правления должны быть предметом переговоров» [Ibid., р. 109].

Это были основные условия, которые могли рассматриваться как основа переговоров (имея в виду границы Франции на 1801 г.).

Условия были более умеренными, чем того требовала военная ситуация, поскольку Меттерних был прежде всего обеспокоен тем, чтобы Франция оставалась весомым игроком в европейском балансе сил. Франции должны были быть оставлены Бельгия и левый берег Рейна [5, р. 101].

Датированная 16 ноября нота (достигшая штаба союзников к 23 ноября) подтверждала получение Франкфуртских предложений, предлагала провести конференцию в Мангейме и выражала заинтересованность в готовности Лондона обсудить вопросы морского права [15, р. 8]. Французской стороной были выдвинуты расплывчатые требования, суть которых сводилась к тому, чтобы всем странам были предоставлены их естественные границы и чтобы британцы понесли жертвы, равные французским. Эта явная попытка расколоть британцев и их союзников провалилась [16, р. 491]. «Цель его (Бонапарта) ответа явно состоит в том, чтобы возложить на Англию ответственность за результат, если мир не будет достигнут», – отмечается в дневнике Роберта Томаса Вильсона [17, р. 236]. Но какого еще ответа, кроме уклончивого контрпредложения, можно было ожидать от императора французов в ответ на «лишь устное и неофициальное предложение»? [18, р. 257]. Меттерних ответил двумя днями позже: мирные переговоры не начнутся, пока Наполеон не примет Франкфуртские предложения [19, р. 59].

Бонапарт ставил под сомнение намерение австрийского министра, говоря при этом следующее: «Никто, кроме Меттерниха, не мог состряпать (concocted) этот документ; рассказы о Рейне, Альпах и Пиренеях – это сплошная хитрость. Это могло прийти в голову только человеку, который знает Францию так хорошо, как он» [8, р. 215]. Это была собственная политическая линия Меттерниха, в соответствии с которой предлагались «естественные границы», в то же время лорд Абердин понимал, что

границы Голландии и Пьемонта не следует считать безвозвратно неподвижными (*irrevocably fixed*) [13, p. 418]. Бонапарт был готов сдать Испанию и Германию, но не хотел отдавать Италию, которая, по его словам, «могла бы стать отвлекающим маневром для Австрии», и Голландию, которая «предоставляла так много ресурсов» [20, p. 7].

Дискуссии вокруг Франкфуртских предложений позволили Меттерниху укрепить связи с британцами. Лондон винил не австрийского министра, а Абердина за включение в предложения пунктов, противоречащих британской политике. В письме от 13 ноября Каслри сообщил Абердину, что «нация вряд ли одобрит любой мир, который не ограничит Францию строго в ее прежних границах» [21, p. 74].

В следующем же письме, которое также датировано 13 ноября из Министерства иностранных дел Великобритании (Форин офиса), Каслри дает инструкцию Абердину, акцентируя внимание на Германии, говоря следующее: «Я знаю, что внутренние трудности Конфедерации (речь идет о Рейнском союзе, который к декабрю 1813 г. уже перестал существовать) велики, но, раз она распалась, собрать ее заново будет невозможно. Поэтому мы должны потрудиться, чтобы сделать ее эффективной для ее цели сейчас, и ваши последние отчеты дают надежду, что таков будет результат» [7, p. 112].

Далее в письме фокус внимания смещается на Бельгию, потому как она является (отличным) плацдармом для нападения на Англию. Каслри пишет следующее: «Я должен особенно умолять вас сосредоточить свое внимание на Антверпене. Уничтожение этого арсенала необходимо для нашей безопасности. Оставить его в руках Франции – это почти то же самое, что наложить на Великобританию обязанность находиться в постоянной боевой готовности» [Ibid.].

Англия, в частности, настаивает на своем давнем требовании создания жизнеспособного и способного к обороне государства на северо-западной границе Германии. Речь идет о новой, более мощной, чем раньше, Голландии. Теперь в состав Голландии должны войти территории, населенные не только голландцами, но и фламандцами. Это позволит укрепить границы страны, обеспечив лучшую защиту от потенциальной угрозы с французской стороны, а также превратит Голландию в часть стратегического барьера против Франции [7, p. 112].

Неудивительно, что Каслри в первую очередь сообщает об этих требованиях британского кабинета Австрии. Дело в том, что речь шла о формулировании условий будущего мирного соглашения, и Австрии предстояло пойти на уступки в интересах Великобритании, передав территорию «австрийских Нидерландов», т. е. Бельгии, в пользу Оранской династии (впрочем, австрийская дипломатия согласилась на эту

жертву, связанную с отдаленной Бельгией, относительно легко). Владение Ганновером и доминирующее влияние в Голландии должны были гарантировать Англии устойчивые торговые связи с северо-западной Германией.

Вильгельм Онкен, анализируя донесения Абердина английскому правительству, приходит к выводу, что согласие Меттерниха на присоединение Бельгии к Голландии было вынужденным, так как других вариантов у него не оставалось. По мнению Онкена, Австрия была вынуждена отказаться от любых других планов решения бельгийского вопроса, включая идею создания независимого бельгийского королевства под властью эрцгерцога Карла [22, p. 45].

В письме от 28 ноября 1813 г., которое попало в фокус нашего исследования, Абердин пишет из Франкфурта Каслри, что сообщение, переданное союзниками Наполеону, охватывало основу переговоров, содержащую спецификацию каждого неперемногого условия со стороны союзников. «Союзниками было сочтено правильным ограничить предложение в первую очередь теми вопросами, которые напрямую затрагивали французскую границу и в которых Франция была наиболее заинтересована» [7, p. 114]. Из этого следует, что Франкфуртские предложения содержали лишь те требования, без которых нельзя было обойтись. По этой причине в «предложениях» не было упомянуто о Польше, объекте глубочайшего интереса для трех великих континентальных держав; по этой причине также было отложено всякое упоминание о Норвегии, Португалии, Сицилии и множестве других важных территорий. Лорду Абердину представлялось, что если Бонапарт примет хоть какие-то условия, то можно будет приложить дальнейшие усилия и предложить условия, «абсолютно необходимые со стороны союзников» [Ibid.].

В письме от 7 декабря 1813 г. тон Каслри по отношению к лорду Абердину становится конкретным и категоричным: «Ваше Превосходительство также заметит, что, ссылаясь на независимость Голландии, этот меморандум (имеется в виду Франкфуртские предложения) вообще умалчивает о важном пункте адекватного барьера для этого государства. В соответствии с Франкфуртскими предложениями также совершенно неоправданно предполагается, что Пиренеи, Альпы и Рейн являются естественными границами Франции, уступка, на которую противник не может иметь никаких оснований» [Ibid., p. 117]. Из этих строк можно сделать вывод в том, что британский Форин Офис перестал довольствоваться выдвинутыми ранее им же самим требованиями.

В то же время Англию по отношению к Германии устраивало формирование федеративного союза. В этой связи Каслри писал следующее: «Упоминание о естественном влиянии Франции на промежуточные

государства также может быть неправильно понято и должно быть подвергнуто протесту, поскольку оно может быть понято как отказ от права германских государств на формирование федеративного союза под конституционным руководством, исключаяющим иностранное влияние» [Ibid.].

И тут же Каслри (решивший, по всей видимости, «перестраховаться» в случае, если Наполеон не примет условия союзников, что было весьма вероятно) дает оценку действиям Абердина: «Решимость Вашей светлости не делать себя участником рассматриваемого меморандума, предлагая какие-либо изменения в его структуре, была совершенно правильной. Но поскольку в дальнейшем по этому вопросу может возникнуть ложное представление, необходимо, чтобы Ваше несогласие и несогласие Вашего суда с его точностью были зафиксированы в предложенной выше форме как для Вашего собственного оправдания, так и для оправдания Вашего правительства» [Ibid.].

В другом письме на имя Абердина, которое также датировано 7 декабря, Каслри в столь же решительном тоне указывает на обязанности союзников: «Мы будем испытывать большое беспокойство, пока в Голландии не будут собраны силы союзников, достаточные не только для защиты, но и для осуществления наступления на Антверпен. Мы считаем крайне важным (of great importance), чтобы союзники поддерживали принца Оранского как можно скорее. Прошу вас, поощряйте австрийское правительство направить посланника в Гаагу. С их поддержкой и нашим оружием мы можем вскоре надеяться иметь внушительные силы, размещенные в этом важнейшем регионе» [Ibid., p. 118].

Примечательным является то, что ни в 1812, ни за 11 месяцев 1813-го ни один британский официальный представитель, а тем более министр иностранных дел Каслри не делал заявлений о том, что цель будет достигнута с помощью британских войск – «с их поддержкой и нашим оружием» (with their support and our arms) [Ibid.].

Примечательным, однако, является также то, что, когда два других британских представителя в штабе союзников – Каткарт и Стюарт – узнали о переговорах Абердина с Меттернихом, стало очевидным, что надежд на согласованные действия среди самих британцев почти не осталось. Эти факторы привели к совместному англо-русскому запросу о направлении в Европу полномочного представителя Лондона. Возмущение как британского правительства, так и британской общественности участием Абердина в «деле Сент-Эньяна» вынудило власти пойти на беспрецедентный шаг – отправить на континент министра иностранных дел Каслри для защиты интересов Великобритании. Впоследствии это сыграло ключевую

роль в сближении Австрии и Англии, которое Меттерних использовал для противодействия России [18, p. 263].

По большому счету Франкфуртские предложения были выяснением принципиальной готовности Бонапарта вести переговоры и идти на уступки. Император Французов волей-неволей согласился рассмотреть эти предложения. Наполеон прекрасно понимал, что одной из целей декларации союзников было представить его главным препятствием к миру и тем самым расколоть его отношения с французским общественным мнением. В своей тронной речи он дал этому объяснение. Император французов заявил, что предоставит все документы переговоров, ведшихся с тех пор, как Сент-Эньян доставил Франкфуртские предложения в Париж, особым комиссией, избранным Сенатом и Законодательным корпусом. Это должно было развеять любые сомнения в его стремлении достичь мирного урегулирования. Успокоенные депутаты и сенаторы затем должны были подготовить публичные обращения, поддерживающие позицию Наполеона и демонстрирующие союзникам, что французская нация по-прежнему твердо стоит за ним [4, p. 176].

Весомым результатом совместной выработки и выдвижения Франкфуртских предложений для союзников является значительное сближение между Австрией и Британией. Теперь Меттерних рассчитывал на поддержку Британии в противодействии России и укреплении независимости центральной Европы, а Абердин помогал ему, одинаково активно продвигая британскую точку зрения перед Меттернихом и австрийскую перед Каслри. Что еще важнее, он неоднократно призывал Каслри отказаться от своей «отвратительной системы предпочтения России» и больше доверять Австрии, а не России. Тот факт, что Британия и Австрия улучшили взаимоотношения, несомненно, помог в ведении войны и установлении мира; но в долгосрочной перспективе гораздо важнее было то, что Британия и Россия не стали ни близкими союзниками, ни серьезными соперниками [16, p. 491].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорель А.* Европа и Французская революция : в 8 т. Т. 8: Коалиция; Трактаты 1815 года. 1812–1815 / А. Сорель. – СПб. : Л. Ф. Пантелеев, 1908. – 420 с.
2. *Holmes R.* Wellington : The Iron Duke / R. Holmes. – London : Harper Collins, 2003. – 416 p.
3. Архив внешней политики Российской империи. – Оп. 468. – Д. 6830. – Л. 113.
4. *Price M.* Napoleon : The End of Glory / M. Price. – Oxford University Press, 2014. – 324 p.
5. *Kissinger H. A.* A World Restored : Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–1822 /

H. A. Kissinger. – Houghton Mifflin : Company Boston, 1973. – 354 p.

6. The Encyclopedia Britannica a dictionary of arts, sciences, literature and general information. Eleventh edition. Vol. 1. – Cambridge, England : at the University Press, 1910. – 976 p.

7. Webster C. K. British diplomacy, 1813–1815 select documents dealing with the reconstruction of Europe / C. K. Webster. – London : G. Bell and Sons Ltd, 1921. – 409 p.

8. Memoirs of prince Metternich : 1773–1815. Vol. 1 / ed. by Prince Richard Metternich. – New York : Charles Scribner's sons, 1880. – 430 p.

9. Fournier A. Der Congress von Châtillon. Die Politik im Kriege von 1814. Eine historische Studie / A. Fournier. – Wien und Prag : Verlag von F. Tempsky, 1900. – 397 S.

10. Зак Л. А. Англия и Германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн) / Л. А. Зак. – М. : Издательство Института международных отношений, 1963. – 175 с.

11. Dictionnaire des parlementaires français. T. I / publie sous la direction de A. Robert, E. Bourlouton, G. Cougny. – Paris : Bourlouton, 1889. – 622 p.

12. Balfour F. The life of George, fourth earl of Aberdeen, K. G., K. T. / F. Balfour. – London : Hodder and Stoughton, 1922. – 315 p.

13. The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919. Vol. 1 / ed. by Sir A. W. Ward, Litt. D., F. B. A. and G. P. Gooch, M. A., Litt. D. – New York : The Macmillan company, 1922. – 628 p.

14. Webster C. K. The Foreign Policy of Castlereagh / C. K. Webster. – London : G. Bell and sons, 1925. – 589 p.

15. Fain A. F. Manuscrit de mil huit cent quatorze, trouvé dans les voitures impériales prises à Waterloo, contenant l'histoire des six derniers mois du règne de Napoléon / A. F. Fain. – Paris : Bossange Frères, 1823. – 474 p.

16. Schroeder P. W. The transformation of European politics, 1763–1848 / P. W. Schroeder. – Oxford etc. : Clarendon Press, 1994. – 894 p.

17. Wilson R. T. Private diary of travels, personal services, and public events, during mission and employment with the European armies in the campaigns of 1812, 1813, 1814. From the invasion of Russia to the capture of Paris / R. T. Wilson. – London : J. Murray, 1861. – 491 p.

18. Enno E. K. Metternich's German policy, Vol. 1: The Contest with Napoleon, 1799–1814 / E. K. Enno. – Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1963. – 351 p.

19. Leggiere M. V. The Fall of Napoleon: Vol. 1, The Allied Invasion of France, 1813–1814 / M. V. Leggiere. – Cambridge University Press; 1st edition, 2007. – 706 p.

20. Fain A. F. Memoirs of the Invasion of France by the Allied Armies and of the Last Six Months of the Reign of Napoleon, Including His Abdication / A. F. Fain. – London : H. Colburn, 1834. – 438 p.

21. Castlereagh R. S. Memoirs and correspondence of Viscount Castlereagh, second Marquess of Londonderry. Vol. 9 / R. S. Castlereagh. – London : Henry Colburn, Publisher, 1848. – 573 p.

22. Oncken W. Aus den letzten Monaten des Jahres 1813, «Historisches Taschenbuch», 6. Folge, 2. Jahrgang / W. Oncken. – Leipzig : Brockhaus, 1883. – 570 S.

Южный федеральный университет, Луганский государственный педагогический университет

Пашченко Э. К., соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений; методист Центра развития образования (филиал)

E-mail: pashchenkoeduard@gmail.com

Southern Federal University, Lugansk State Pedagogical University

Pashchenko E. K., Competitor of the Department of Foreign History and International Relations of the Institute of History and International Relations; teaching methods specialist of the Education Development Center (branch)

E-mail: pashchenkoeduard@gmail.com